

УДК 39-055.2(477.85)(=161.2)"18/19"

UDC

DOI 10.17223/18572685/39/10

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В РУСИНСКОЙ СЕМЬЕ НА БУКОВИНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В.Г. Душчак

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича

Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

E-mail: valentgd@bk.ru

Авторское резюме

В статье анализируются основные социальные роли и функции (жена, мать, хозяйка), которые выполняла женщина на разных этапах жизни в традиционной культуре русинов Буковины. Основное внимание уделено влиянию гендерной асимметрии на положение женщины в период девичества и замужества, состоянию женского образования и препятствиям к нему.

Ключевые слова: женщина, Буковина, брак, развод, жена, мать, жизненные этапы.

The position of Women within Rusinian family in the XIX – in the early XX century

V.G. Dushchak

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine

E-mail: valentgd@bk.ru

Abstract

The paper analyzes basic social roles and functions (wife, mother, housewife) performed by a woman at different stages of her life cycle in the traditional culture of Rusinian Bukovyna. The main attention is driven to the influence of gender asymmetry at the position of a woman during her maidenhood and marriage. Conditions and barriers to education for women are also in the scope of investigation.

Keywords: woman, Bukovina, wedlock, divorce, wife, mother, stages of the life span.

На фоне интереса к женскому вопросу как в украинском обществе, так и в отечественной этнографической науке Буковина остается

практически вне поля зрения исследователей. Ведь основное внимание обращено на образ женщины во всеукраинских масштабах, на ее место в культуре и общественно-политической жизни в рамках традиционной культуры и современной жизни. Буковина, в частности ее северная часть, которую населяют в основном русины-украинцы, длительное время входила в состав различных государств и во многих аспектах исследована мало. Это касается и научно обоснованных знаний о гендерной составляющей традиционной культуры ее коренных жителей, что приводит к распространению выводов, сделанных на основе изучения других регионов Украины, и на буковинских русинов. Поэтому мы считаем, что следует более подробно остановиться именно на положении русинской женщины-буковинки в семье, проанализировать типичные сценарии ее жизни, что реализовались через соответствующие социальные роли и функции, которые она выполняла на разных этапах жизненного цикла.

На протяжении жизни русинка проходила определенные возрастные этапы, которые, в отличие от жизненных вех мужчины, имели менее четкое определение в своих пределах и особенностях. И хотя они скорее совпадали с физиологическими изменениями в женском организме, переход от одного этапа к другому мог сопровождаться ритуалом, а каждый последующий был связан с постепенным выполнением женщиной ее гендерной программы.

Уже само рождение девочки неоднозначно воспринималось в семье буковинского крестьянина-руснака. Бытовало мнение, что рождение детей превращает супругов в семью, а без детей нет семьи в полном смысле. Поэтому считалось, что каждая семья должна иметь детей. Однако отношение к появлению детей разных полов воспринималось по-разному. Так, появление на свет мальчика сопровождалось большими радостями: это будущий помощник родителей, который своим трудом будет способствовать приумножению семейного достатка. Рождение девочки, напротив, вызывало в русинской крестьянской семье грусть. Дочь рассматривалась как временная гостя в семье, которая принесет только расходы, ведь для нее в будущем следовало готовить приданое. У буковинских русинов даже существовало поверье, что, родив первенца-мальчика, девушка не теряла девственность (Населення Буковини 2000: 97).

Желанность рождения мальчика порой даже подчеркивалась в ходе брачной церемонии, когда во время свадебного обряда в доме жениха matka просила молодых подарить ей сына (Етнографічний музей Чернівецького національного університету: 16). Такое положение формировалось православной церковью, которая поддерживает патриархальные традиции, предусматривающие мужское доминиро-

вание. Это находит свое отражение уже в самом обряде приобщения новорожденных девочек к религиозной общине – во время таинства крещения их не заносят в алтарную часть храма, как это делают с новокрещенными мальчиками (Кісь 2012: 93).

Гендерная социализация девочки, то есть процесс конструирования ее половой идентичности, начинался от рождения и продолжался до совершеннолетия посредством выполнения всех ритуально-бытовых обрядов и с соответствующим содержанием вербальных форм-заговоров, которые применяли исполнители обряда. Программирование успешности будущей женщины у буковинских русинов происходило в двух основных сферах – хозяйственно-производственной и репродуктивной. Сферу материнства девочка познавала с детства посредством ее привлечения с 4-8 лет к уходу за младшими детьми в семье («три роки – лишали на руки малого»), а также через игру (Маковії 1993: 19). У буковинских девочек-русинок уже в трехлетнем возрасте появлялись первые куклы, сделанные для них старшими в семье женщинами. В играх с куклами девочки прежде всего имитировали главные будущие функции женщины – хозяйки и матери, воспроизводя выполнение характерных хозяйственных обязанностей и имитируя трудовые процессы в ходе игры. Важным фактором в ходе гендерной социализации было и трудовое воспитание, в основе которого лежало разделение труда в хозяйстве («дівчинка мала свої обов'язки, хлопець – свої»). Русинские крестьяне на Буковине привлекали девочек в возрасте от 6 до 12 лет к выполнению работ, которые в значительной степени соответствовали функциям женщины-хозяйки и в основном были связаны с домашним бытом. Их рано учили шить и вышивать, привлекали к земледельческим работам. Впоследствии информационная и физическая нагрузка росла, однако круг работ, очерченный еще в раннем детстве, сохранялся. При этом воспитательный акцент делался на предсказание будущего публичного осуждения, если девушка недоделает определенную работу (оставят в танце, будут сплетничать и т. п.) (Маковії 1993: 19-20; Кісь 2012: 107-1).

Переход от девочки к девушке, то есть к новой социально-возрастной категории буковинских русинов, происходил по-разному и мог носить как религиозно-обрядовую, так и ритуально-бытовую формы. Получение статуса девушки, как правило, было лишено соответствующего оформления, которое можно трактовать как обряд инициации. У католиков - поляков и немцев Буковины - это первое причастие. У буковинских евреев-иудеев – бат-мицва. Эти обряды содержат ряд элементов, которые можно рассматривать как связанные с началом совершеннолетия, по крайней мере, в религиозном смысле. У православных буковинских руснаков таких обрядов не существовало,

поэтому совершеннолетие девушек традиционно совпадало с их вступлением в девичьи общины. В большинстве русинских и румынских общин на Буковине это выглядело как первый танец девушки в группе молодежи и называлось «вывод на танец». С этого времени начинался период девичества. В зависимости от различных обстоятельств возраст вступления в девичью общину колебался в диапазоне 14-18 лет (Маковії 1993: 22).

Главное место в этот период отводилось усвоению молодежью традиций и норм поведения, приобретению новых и усовершенствованию уже существовавших хозяйственных умений и навыков. На этапе девичества доминантной в жизни русинской девушки становилась установка на брак, которая направляла и ориентировала на это все ее поведение. Вечорницы и улица были главными очагами гендерной социализации буковинской крестьянской молодежи, где она постигала стиль и формы поведения, свойственные взрослым, получала определенные знания и опыт в личных отношениях (Кіс 2012: 117, 129).

В этот период окончательно формировались модели поведения, которые отражали гендерную асимметрию традиционного общества. В частности, это прослеживается уже в практике проведения вечорниц, когда девушки-русинки оставались в доме на своем куте (часть села), демонстрируя тем самым пассивность, тогда как юноши могли ходить на вечорницы на других кутах. Выбор будущей половины, как и в целом возможность познакомиться, у девушек были значительно меньшими. Они не всегда могли знать, откуда будет их будущий муж: «Я вздріла їх аж на слові (помолвке)» (Маковії 1993: 42). Это заставляло их искать пути, чтобы хоть что-нибудь узнать о своей будущей судьбе, которой они вынуждены были повиноваться. Поэтому буковинские девушки прибегали к различным гаданиям, преимущественно на праздник Андрея. Другим способом если не определить, то хотя бы улучшить свою судьбу были различные средства для пробуждения любви или привязанности как отдельных юношей, так и в целом представителей всего сильного пола. В этом стремлении прибегали даже к помощи гадалок и ведьм (Кайндль, Монастирський 2007: 50-54). Зато парень-русин достаточно неоднозначно проявлял свою симпатию к девушке – ударами: «Ой тату, так мене хлопці люблять, аж від кулаків плечей не чую» и «він мене більше не штовхає», то есть не любит (Кайндль, Монастирський 2007: 69; Француз 2010: 37).

Как уже отмечалось выше, местом знакомства молодежи были танцы. На них посвящали в девушки. Однако на танцах также осуществлялся контроль за поведением девушки, которая, как и на ве-

чорницях, не могла пренебречь парнем: «А тій дівці дуже мудрій буде в нас погано». В частности, если она отказывалась танцевать с кем-то из парней, то больше не могла танцевать, и ее с позором выгоняли с танцев, на которые она уже не могла вернуться, не испросив прощения (Вăіеџу 2008: 244). Потому парень фактически не спрашивал согласия девушки, а просто свистом или кивком приглашал на танец. Сами же девушки все время сидели или стояли в стороне (Населення Буковини 2000: 91).

Гендерное неравенство проявлялось и в двойной морали по отношению к добрачным половым отношениям у буковинских русинов. Хотя и считалось, что соблазнитель должен жениться на девушке, если он это обещал, или заплатить за веноч деньги, однако временами он даже не возмещал потерю девственности своей бывшей невесте. В дальнейшем же, женившись, он становился уважаемым членом общества. Зато жизненная программа девушки менялась кардинально, ведь при отношениях без последствий она навлекала позор на себя и свою семью, а при беременности становилась *покрыткою* и оказывалась в маргинальном положении (Dan 1913: 31; Кайндль, Монастирський 2007: 67). При этом стоит отметить, что изнасилование не считалось преступлением, и даже существовала поговорка: «Девушка и корчма для каждого свободна» (Dan 1913: 36).

В общем, несмотря на порой аморальное поведение, общепринятым для девушек и юношей было держаться своих групп, по крайней мере, в людных местах, и избегать любых проявлений привязанности друг к другу: «Разом не сиділи за лавою в школі, на данец чи з данцу не йшли і не поверталися разом» (Маковії 1993: 22). И если среди крестьян это было лишь на людях, то среди украинской интеллигенции очень строго соблюдалось. Девушка не могла появляться на улице без сопровождения, а из мужчин сопровождать ее мог только жених. Даже разговаривать с мужчиной считалось неприличным. Строго придерживались требований приличия и в одежде: девушки закрывали все тело одеждой и носили перчатки (Грицак 2006: 314).

Во второй половине XIX в. на Буковине остро встал вопрос о женском образовании, против которого выступала часть общества, в том числе духовенство и некоторые представители интеллигенции. Они считали, что самое большое счастье для женщины – семья, для которой образование не нужно. Препятствием на пути к образованию девушек-русинок были и их матери. Занятые целый день домашней работой, они видели в дочерях помощниц, которых зря отрывают от насущных хозяйственных проблем для ненужного обучения. Однако социальные и экономические изменения второй половины XIX в. смягчили общественное мнение, а лозунги о женской эмансипации,

усилившиеся в 80-х гг. XIX в., указывали на необходимость образования для женщин. В это время на Буковине появились русинско-украинские женские общества «Мироносицы», «Общество русских женщин в Черновцах», «Женская громада», которые объединяли как православных, так и греко-католичек, преимущественно жительниц городов.

Одной из задач этих обществ было распространение просвещения среди русинских женщин, поддержка девушек в получении образования. Для этого они создавали приюты для детей-сирот и детские сады. Их участницы организовывали курсы для неграмотных, содержали школу для вышивальщиц, швейную мастерскую.

Разветвленная система образования женщин-русинок на Буковине включала в себя начальное и среднее звенья, а также частные женские учебные заведения. Низшие народные школы в селах были общими для мальчиков и девочек, а организованные в городах высшие – раздельными. Однако низкий образовательный уровень буковинских женщин заставил австрийские власти издать в 1872 г. указ об обязательном посещении ими начальных школ (Пенішкевич 1996: 15-16). Это способствовало росту образованности среди женщин, что показывают данные общеавстрийских переписей. Так, если в 1890 г. неграмотные женщины составляли в крае 83,13 %, то в 1900 г. – уже 69 %. Однако уровень грамотности русинок-украинок (14,26 %) и румынок (23,16 %) по-прежнему оставался на Буковине низким по сравнению с немками (62,96 %) (Die Ergebnisse der Volks- und Viehzählung 1907: CCXXX). Доступ к высшему образованию женщины получили достаточно поздно: право поступать на философские факультеты университетов в Австро-Венгрии было предоставлено в 1897 г., а на медицинские отделения университетов – в 1900 г. (Пенішкевич 1996: 16).

Следующий этап в жизни русинской женщины на Буковине был связан с замужеством как основным проявлением женской активности. Стоит отметить, что брак как наиболее предпочтительный статус человека принимался и народной традицией, и православной церковью, которая обладала исключительным правом регистрации актов гражданского состояния. С церковной точки зрения брак был воплощением добродетельной жизни и средством избежать соблазнов и девиантного поведения. Народная традиция рассматривала безбрачие как социальную аномалию и предвзято относилась к старым девам. Поэтому для буковинской женщины-русинки брак был основополагающим условием успешности в обществе. Только замужняя женщина могла реализовать свою гендерную программу, выполняя ключевые социальные роли хозяйки и матери, чтобы до-

биться признания как социально полноценной личности (Пушкарева 1995: 59-62).

Для русинских крестьян была характерна традиция рано заключать браки. Если юноши женились после службы в армии – в 23-26 лет, то девушки-буковинки рано выходили замуж – после 14 лет (Dan 1913: 26). Молодые люди, как правило, находились под опекой родителей и не имели хозяйственной самостоятельности. Кроме того, по Гражданскому кодексу Австрии совершеннолетие наступало в 24 года. Поэтому соглашения о заключении брака и сами брачные соглашения заключались родителями или ближайшими родственниками. У руснаков Буковины подобные договоренности происходили во время сватовства (*змовин, оглядин* и т. д.), когда стороны жениха и невесты договаривались о различных имущественных аспектах (размер приданого – зестры и условия, на которых девушка вступает в брак) и организационных моментах свадьбы. Эти договоренности, как правило, носили устный характер, если не касались земли, которую давали в приданое (Гримич 2004: 365-366). Расторжение договоренностей, достигнутых во время сватовства, несло за собой штрафные санкции для виновной стороны.

Поскольку браки были прежде всего соглашением между семьями, то чувства молодых не принимались во внимание, а так как от родителей зависело приданое – основа будущего самостоятельного хозяйствования молодой пары, то жених и невеста не часто решались им перечить. Особенно сложным было положение девушки, с желаниями которой не считались, хотя предсвадебная обрядность еще сохраняла такой элемент – у нее спрашивали согласие на брак. Стоит отметить, что в семьях существовала традиция очередности бракосочетания отдельно для юношей и девушек, из которой исключали сумасшедших, калек и девушек, которые опозорили себя (Кайндль, Монастирский 2007: 54-55).

Приданое было единственным стабильным правом женщины-русинки, ведь дочери могли наследовать за отцом только при отсутствии наследников мужского пола. Крестьяне по-разному относились к приданому, но у сельских жителей Буковины в большинстве случаев обычай воспринимал его как собственность жены, тем самым утверждая отдельную собственность в крестьянской семье. После рождения ребенка уже регламентировалось правонаследие отцовской и материнской собственности. Собственность женщины, кроме приданого (преимущественно движимого имущества, скота, денег, недвижимости), составляли личные вещи, подаренные мужем за годы брака, и имущество, заработанное в браке ею лично (Бегей 2001: 317-318; Гримич 2004: 227). Но такая ситуация была характерна больше для состоятельных

семей, где супруги раздельно распоряжались и вырученными деньгами: женщина – от продажи птицы, яиц, овощей, а муж – от плетения корзины или рыболовства. В то же время, за исключением земли, данной в приданое и записанной на женщину, имуществом руководили совместно, хотя только муж имел право распоряжаться им. Стоит отметить, что приданое бездетной женщины возвращалось родителям только в случае непродолжительного брака, в то время как после длительного оно служило компенсацией за бездетность (Кайндль 2003: 28; Кайндль, Монастирський 2007: 68; Француз 2010: 41).

Важную роль играли и личные взаимоотношения между супругами, которые предусматривали взаимопомощь, что согласно Библии является одной из целей брака. Именно взаимопомощью, взаимопониманием и взаимной поддержкой заменялось в повседневной супружеской жизни понятие любви (Кись 2012: 161). Они предусматривали достойное отношение друг к другу. Важное место во взаимоотношениях между супругами отводилось выполнению супружеского долга и сохранению верности как в физическом, так и в моральном плане. Церковь и общество осуждали неверность и измену кого-либо из супругов, но большему порицанию подвергалась измена жены, которая становилась поводом для развода (Пушкарева 1995: 60).

Закономерным для традиционной культуры было признание мужа главой семьи, возложение на него ответственности за ее благополучие, за эффективность производственной деятельности. Он также отвечал за межсемейные отношения и семью перед обществом. Однако в традиционной культуре руснаков-украинцев наблюдались также случаи, когда женщине, благодаря уму, исключительным хозяйственным способностям или другим преимуществам над мужем, удавалось стать фактическим лидером семьи (Кись 2012: 152). Иногда обстоятельства заставляли женщину брать на себя мужские функции, чтобы прокормить семью. Она могла стать распорядительницей по хозяйству еще при жизни мужа, если он не выполнял своих обязанностей хозяина (пьянство, расточительность и др.) или община лишала его этого статуса (Кись 2012: 159-160).

Идея иерархичности построения семейного очага и мужского главенства, занимавшая важное место в христианской концепции брака, в быту нашла отражение во взглядах, что женщина должна непременно слушаться мужа и отдавать ему должное. Даже на улице: «...никогда не идут бок о бок себя, только он идет все впереди, а она несколько шагов за ним сзади; если нужно нести какой-то груз, то обычно его взваливают на женщину; верхового коня обычно использует муж, в то время как жена идет рядом пешком» (Dan 1913: 31; Кайндль 2003: 27). Жена обращалась к мужу на «вы» и часто не

по имени, применяя другие формы обращения, в частности в Заставновском районе – «бица» (Маковії 1993: 41). Муж же обращался к жене на «ты» и «сеся», «цися», иногда (у буковинских гуцулов) – «челядина» (Кайндль, Монастирський 2007: 66). Некоторые обычаи уже во время свадьбы были призваны закрепить гендерную иерархию в семье: перед выходом из дома молодой ей на плечи клали подушку, по которой палкой бил жених; молодая перед первой брачной ночью ложилась под порогом, чтобы молодой перешагнул через нее (Dan 1913: 29; Маковії 1993: 39).

Другим проявлением гендерной асимметрии у русинов Буковины было право мужа на применение силы в отношении жены, что порой имело даже форму обычая, по которому супруг раз в неделю бил женщину (Француз 2010: 32). Вот распространенные поговорки по этому поводу: «Если хочешь иметь хорошую жену, то должен бить в нее как деревяшку», «Жена не битая как коса не отбитая (клепаная)» (Кайндль 2003: 27). Однако обычное право руснаков-украинцев позволяло женщине покинуть такого мужа или обратиться в суд. Иногда муж давал жене деньги, чтобы она молчала (Кайндль, Монастирський 2007: 67).

Несмотря на идею пожизненного заключения брака, православная церковь, в отличие от католической, оставляла возможность для разводов. Обычное же право буковинских украинцев рассматривало брак как гражданское соглашение, которое при необходимости можно разорвать. Это было учтено при составлении Гражданского кодекса Австрии, по которому поводами для развода могли стать измена, тюремное заключение за преступление на срок более пяти лет, умышленное оставление одного супруга другим, неспособность выполнения супружеских обязанностей, постоянные семейные разногласия, опасность для жизни и здоровья одного из супругов, бездетность (ст. 115) (Общее гражданское уложение 1884: 35). Женщины редко решались на развод по морально-этическим и экономическим соображениям, а вот мужчины-руснаки порой прогоняли жен, хотя потом их наказывали арестом, если их супруги были невиновны. Чаще при конфликтах в семьях прибегали к временной сегрегации (раздельному проживанию), которая давала возможность решить проблемы супругов (Кісь 2012: 159). Дети при этом были с той из сторон, которая осталась в доме, как правило, с мужем (Кайндль 2003: 29).

Поскольку муж выполнял преимущественно работу вне дома, то обязанностями жены были ведение домашнего хозяйства, уход за скотом, работа на огороде, изготовление тканей и пошив одежды, обязанность мазать и белить хату с двух сторон, погрузка и разгрузка воза и т. д. «Работает очень тяжело, когда муж садится в корчме, пьет

и еще приходит поздно домой, она должна терпеть его жестокое обращение и, чтобы спастись из его рук, бежать ночью к соседям или священнику» (Дан 1913: 31). Поговорка «Женский палец должен стоять больше пары волов» показывает значение и тяжесть женского труда в хозяйстве (Маковій 1993: 21).

Материнство было основой стереотипа феминности в традиционной среде Буковины. Рождение детей воспринималось как главное предназначение женщины, оправдание ее существования, поэтому ей было необходимо реализовать репродуктивную функцию и социальную роль матери. Успешное материнство считалось в обществе престижным и помогало женщине приобрести статус социально полноценной личности. Отсутствие детей было трагедией семьи, а не только женщины, на которую возлагали вину за бездетность. Она подвергалась ограничениям при участии в календарной и семейной обрядности и пренебрежению со стороны общества.

Женщина несла персональную ответственность за формирование телесных и личностных черт будущего ребенка (Кісь 2012: 181-183). Это побуждало мужа во время беременности жены проявлять к ней нежность и ласку, пытаться удовлетворить ее желания (Населення Буковини 2000: 97). Однако она выполняла свою работу до начала схваток, а потом с помощью повитухи или же сама рожала ребенка и уже на второй или третий день вставала, подвязывалась и выполняла легкую работу. При этом роженица не могла выходить за пределы двора, чтобы свою «нечистоту» не передать окружающему миру. Но через некоторое время она шла к священнику за очистительной молитвой, потом повторяла это на 40-й день (Кайндль 2003: 10-12).

Русинские крестьянки на Буковине кормили ребенка грудью год (иногда и два-три года), так как считали это мерой против новой беременности. Буковинские гуцулки, напротив, предпочитали использовать коровье или овечье молоко (Кайндль 2003: 13; Ігнатенко 2013: 139). Кроме кормления женщина не могла посвящать ребенку много времени, потому что хозяйственные и бытовые обязанности требовали ее внимания. Как следствие, летом она брала его с собой в поле или огород, а зимой ребенок практически оставался один в доме. Иногда его привязывали (если некому было за ним приглядеть) или оставляли на старших братьев и сестер, бабушек (Кайндль, Монастирський 2007: 44-45; Кісь 2012: 184-185). При таких обстоятельствах в некоторых колыбельных отражались проблемы женщины. Они давали матери возможность отвести душу. Негативные эмоции вербализировывались и сублимировались их в песне: «...Си вродило ти на муку, твої очки ще не знають, де ті жалі си втворюють...», «...А тепер я колишу тя, бо ти мушиш спати. А тепер я колишу тя, бо миска не мита. А як зайде ньень в хату – буде мамка бита...» (Маковій 1993: 9).

Практически не имея возможности контролировать рождаемость рациональным способом, женщины на Буковине беременели чуть ли не ежегодно. Постоянная занятость матерей, плохой уход за младенцами, частые эпидемии обусловили высокий уровень смертности. Иногда процент умерших детей в возрасте до 5 лет (53,3 %) превышал количество умерших среди других возрастных групп. При этом в первый год жизни умирало 20,7 % младенцев – из 3 212 родившихся умерло 665 (данные по уезду Сторожинец за 1890 г.) (Mitteilungen des statistischen 1894: 32, 42). Такой высокий уровень рождаемости и смертности обесценивал жизни детей, что обуславливало относительно спокойное отношение матерей к их смертям. Ребенок начинал приобретать ценность с возрастом, когда постепенно привлекался к ведению хозяйства. Будучи в полном подчинении у родителей, дети учились не только посредством нерепрессивных методов воздействия, но и физических наказаний: «спочатку дитина вчилася лагідністю, розказом, та як до неї та лагідність ніяк не ліпилася, вбертався кожух навиворіт...» (Маковій 1993: 21). Одним из видов воздействия было ограничение свободы, а порой наказывали даже голодом. Переутомленные бесконечной работой матери временами прибегали к вербальной агрессии – проклятиям, в огромную силу которых верили (Кісь 2012: 192-193).

Переход в статус бабы на Буковине был связан с преодолением возрастной границы (70-80 лет), наличием внуков. Но основным считалось наступление менопаузы, что давало женщине право участвовать в ряде ритуалов (погребальных) и выполнять акушерские функции при родах. Обычно баба оставалась жить с младшим сыном, который должен был ухаживать за ней до смерти. С постепенным снижением работоспособности круг обязанностей сужался до ухода за детьми и домашних хлопот – выпекания хлеба и приготовления пищи. Бабушки были активными агентами социализации детей, передававшими традиционную этнокультурную информацию и формировавшими мировоззрение. Им же принадлежало право осуществлять нравственную цензуру и коррекцию поведения членов своих семей и односельчан. Поэтому они часто выступали активными хранителями неприкосновенности господствующей гендерной идеологии, следили за надлежащим выполнением социальных ролей и поведенческих предписаний (Кісь 2012: 199-202).

Таким образом, в условиях патриархального общества и малоземелья в русинской крестьянской семье на Буковине рождение девочки было менее желательным, чем мальчика. Однако разделение труда требовало женских рук в хозяйстве, что обуславливало программирование гендерной идентичности девочки для двух ключевых ролей –

матери и хозяйки. Их успешность была определяющей для ее будущей судьбы. В период девичества четко прослеживались различия в допустимом поведении русинских юношей и девушек. Поведение последних подвергалось активной общественной коррекции с целью формирования желаемых женских черт. В вопросах выбора будущей пары прослеживается почти равенство молодых, так как обе стороны имели минимальное влияние на принятие решения о браке. В дальнейшем мужское главенство в супружеских отношениях, право мужа на применение силы и некоторые дискриминационные моменты этикета свидетельствуют о подчиненном положении женщины, несмотря на отдельные случаи инверсии власти. Однако в крестьянских хозяйствах на Буковине женская сфера была важным звеном обеспечения жизнедеятельности семьи, поэтому женщина имела в ней значительную автономию. Большое влияние на положение русинской женщины имело и выполнение ею материнской роли, которая была довольно тяжелой и отчасти неоднозначной в условиях сильной занятости и невозможности контролировать рождаемость. Однако если женщине-русинке на протяжении всей жизни удалось реализовать в традиционной среде ключевые для нее роли жены, матери и хозяйки, то на склоне лет она получала особый статус и права в обществе и семье.

ЛИТЕРАТУРА

Етнографічний музей Чернівецького національного університету – Етнографічний музей Чернівецького національного університету. Матеріали етнографічних експедицій. Т. 16. 23 арк.

Бегей 2001 – *Бегей С.* Шлюбні угоди в селянському побуті Галичини в другій пол. XIX – на поч. XX ст. // Народознавчі зошити. 2001. № 2. С. 314-321.

Гримич 2004 – *Гримич М.В.* Інститут власності у звичаєво-правовій культурі українців XIX – початку XX ст. Київ, 2004.

Грицак 2006 – *Грицак Я.* Пророк у своїй вітчизні: Франко та його спільнота (1856-1886). Київ, Критика, 2006.

Ігнатенко 2013 – *Ігнатенко І.* Жіноче тіло у традиційній культурі українців. Київ, Дуліби, 2013.

Кайндль 2003 – *Кайндль Р.Ф.* Гуцули. Пер. з нім. Зіновії Пенюк. Наук. ред. і післямова О. Масан. 2-е вид., випр. і доп. Чернівці: Молод. буковинець, 2003.

Кайндль, Монастирський 2007 – *Кайндль Р.Ф., Монастирський О.* Русини на Буковині. Пер. з нім. В.Ю. Іванюка. Чернівці: Зелена Буковина, 2007.

Кісь 2012 – *Кісь О.* Жінка в традиційній українській культурі (друга половина XIX – початок XX ст.). Львів: Ін-т народознавства НАН України, 2012.

Маковій 1993 - *Маковій Г.* Затоптаний цвіт: народознавчі оповідки. Київ: Укр. письменник, 1993.

Населення Буковини 2000 - Населення Буковини. Пер. з нім. Ф.С. Андрійця, А.Т. Квасецького. Чернівці: Зелена Буковина, 2000.

Общее гражданское уложение 1884 - Общее гражданское уложение Австрийской империи 1811 г. Пер. Г. Вербловский. СПб.: Типография правительствующаго сената, 1884.

Пенішкевич 1996 - *Пенішкевич Д.І.* Освіта як важливий фактор емансипації жінок Буковини к. XIX – поч. XX ст. // Система неперервної освіти: здобутки, пошуки, проблеми: матеріали: Міжнар. наук.-практ. конф.: у 6 кн. 28-31 жовт. 1996 р. Кн. 2: Історико-педагогічні аспекти неперервної освіти / упоряд. В.С. Филипчук. Чернівці, 1996. С. 14-17.

Пушкарєва 1995 - *Пушкарєва Н.Л.* Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55-70.

Француз 2010 - *Француз К.Е.* Ucraina: культурологічні нариси. Упор., пер. з нім., передм. й коментар Петра Рихла. Чернівці, Книги-XXI, 2010.

Băieșu 2008 - *Băieșu N.* Tradiții etno-folclorice ale sărbătorilor de iarnă. Chișinău, 2008.

Dan 1913 - *Dan D.* Rutenii din Bucovina schiță etnografică // Analele Academiei Române: Memoriile Secțiunii Literare / Academia Română București. Seria II. T. XXXV. București, 1913. P. 37-81.

Die Ergebnisse der Volks- und Viehzählung 1907 – Die Ergebnisse der Volks- und Viehzählung vom 31. Dezember 1900 im Vergleiche mit denen der Volks- und Viehzählung vom 31. Dezember 1880 und 1890 im Herzogtume Bukowina: nach den Angaben der k.k. statistischen Zentral-Kommission in Wien / veröffentlicht vom Anton Zchar. Czernowitz: Aus der Rudolf Eckhardt'schen k.k. Universitäts-Buchdruckerei, 1907. CCL, 78, L, 26 s.

Mitteilungen des statistischen 1894 - Mitteilungen des statistischen Landesamte des Herzogtums Bukowina. II. Heft. / veröffentlicht vom Julius v. Roschmann-Hörburg. Czernowitz: In Kommission bei F. Pardini, k.k. Universitäts-Buchhandlung. Aus der Rudolf Eckhardt'schen k.k. Universitäts-Buchdruckerei, 1894IV, 195 s.

REFERENCES

Etnografichniy muzey – Etnografichniy muzey Chernivets'kogo natsional'nogo universitetu [The Ethnographic Museum of Chernivtsi National University], in: Materiali etnografichnikh ekspeditsiy [Materials of ethnohtaphic expeditions], vol. 16, 23 p.[in Ukrainian].

Begey 2001 – *Begey S.* Shlyubni ugodi v selyans'komu pobuti Galichini v drugiy pol. XIX – na poch. XX st. [The marriage contract in the peasant life in Galicia in the second half of the 19th – early 20th centuries], Narodoznavchi zoshiti. The Ethnology Journal [Lviv], 2001, Nr 2, pp. 314-321 [in Ukrainian].

Grimich 2004 – *Grimich M.V.* Institut vlasnosti u zvichaevo-pravoviy kul'turi ukraïntsiv XIX – pochatku XX st. [The Institute of Property in the legal traditions and culture of the Ukrainians in the 19th – early 20th centuries], Kiev, 2004 [in Ukrainian].

Gritsak 2006 – *Gritsak Ya.* Prorok u svoïy vitchizni: Franko ta yogo spil'nota (1856-1886) [The prophet in his own country, Franco and his community (1856-1886)], Kiev, Kritika Publ., 2006 [in Ukrainian].

Ignatenko 2013 – *Ignatenko I.* Zhinoche tilo u traditsiyniy kul'turi ukraïntsiv [The female body in traditional Ukrainian culture], Kiev, Dulibi Publ., 2013 [in Ukrainian].

Kaindl 2003 – *Kaindl R.F.* Gutsuli [Hutsuls], trans. from German by Z. Penyuk. Chernivtsi, Molodoi bukovinets' Publ., 2003 [in Ukrainian].

Kaindl, Monastirskiy 2007 – *Kaindl R.F., Monastirskiy O.* Rusini na Bukovini [Ruthenians in Bukovina], trans. from German by V.Yu. Ivanyuk. Chernivtsi, Zelena Bukovina Publ., 2007 [in Ukrainian].

Kis' 2012 – *Kis' O.* Zhinka v traditsiyniy ukraïns'kiy kul'turi (druga polovina XIX – pochatok XX st.) [The woman in traditional Ukrainian culture in the second half of the 19th – early 20th centuries], L'viv, Institute of Human Studies NAS of Ukraine Publ., 2012 [in Ukrainian].

Makoviy 1993 – *Makoviy G.* Zatoptaniy tsvit: narodoznavchi opovidki [The trampled flower: ethnology stories], Kiev, Ukrainsky pis'mennik Publ., 1993 [in Ukrainian].

Naselennya Bukovini 2000 – *Naselennya Bukovini* [The population of Bukovina], trans. from German by F.S. Andriytsya, A.T. Kvasets'kiy. Chernivtsi, Zelena Bukovina Publ., 2000 [in Ukrainian].

Obshchee grazhdanskoe 1884 – *Obshchee grazhdanskoe ulozhenie Avstriyskoy imperii 1811 g.* [The General Civil Code of the Austrian Empire in 1811], trans. from German by G. Verblivskiy, St. Petersburg, The Senate Typography Publ., 1884 [in Russian].

Penishkevich 1996 – *Penishkevich D.I.* Osvita yak vazhliivy faktor emansipatsii zhinok Bukovini k. XIX – poch. XX st. [Education as an important factor for the emancipation of women in Bukovina in the late 19th – early 20th centuries], in: Sistema neperervnoï osviti: zdobutki, poshuki, problemi: materiali Mizhnar. nauk.-prakt. konf. u 6 kn., 28-31 zhovt. 1996 r. [The system of continuous education: achievements, questions and problem: Proc. of the International Scientific Practical Conference in 6 vol., October 28-31, 1996. Book 2. Historical and pedagogical aspects of lifelong learning], Chernivtsi, 1996, pp. 14-17 [in Ukrainian].

Pushkareva 1995 – *Pushkareva N.L.* Sem'ya, zhenshchina, seksual'naya etika v pravoslavii i katolitsizme: perspektivy sravnitel'nogo podkhoda [Family, female, sexual ethics in Orthodoxy and Catholicism: the prospects of the comparative approach], *Etnograficheskoe obozrenie, Academic Journal* [Moscow], 1995, Nr 3, pp. 55-70 [in Russian].

Frantsoz 2010 – *Frantsoz K.E.* Ucrainica: kul'turologichni narisi [Ucrainica: cultural essays], trans. from German by P. Rikhla. Chernivtsi, Knigi-XXI Publ., 2010 [in Ukrainian].

Băieșu 2008 – *Băieșu N.* Tradiții etno-folclorice ale sărbătorilor de iarnă [Traditions of the holiday season], Chișinău, 2008 [in Romanian].

Dan 1913 – *Dan D.* Rutenii din Bucovina schiță etnografică [Ruthenians in Bukovinian ethnographic sketches], in: *Analele Academiei Române: Memoriile Secțiunii Literare, București, 1913, series II, vol. XXXV, pp. 37-81* [in Romanian].

Die Ergebnisse 1907 – Die Ergebnisse der Volks- und Viehzählung vom 31. Dezember 1900 im Vergleiche mit denen der Volks- und Viehzählung vom 31. Dezember 1880 und 1890 im Herzogtume Bukowina: nach den Angaben der k. k. statistischen Zentral-Kommission in Wien [The results of the population and livestock census on the 31st of December, 1900, compared with those of population and livestock census on the 31st of December, 1880 and 1890 Herzogtume Bukowina: according to the data of the Central Statistical Commission in Vienna], Chernivtsi, Universitäts-Buchdruckerei, 1907, 26 p. [in German].

Mitteilungen 1894 – Mitteilungen des statistischen Landesamte des Herzogtums Bukowina [Transactions of the national statistical office of the Duchy of Bukovina], Chernivtsi, Universitäts-Buchdruckerei, 1894, IV, 195 p. [in German].

Дущак Валентина Георгиевна – аспирантка кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

Dushchak Valentyna – Graduate Student of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

E-mail: valentgd@bk.ru